

Л.В. Немцев (Самара)

Заметки на полях «Апологии разума» О.А. Седаковой

(Речь, прочитанная на презентации книги
О.А. Седаковой «Апология разума», 20 февраля 2012 г.)

Каждая отдельная работа Ольги Александровны Седаковой обладает удивительным свойством – помимо того, что прямо цитируется в тексте, она восстанавливает в сознании читателя знания, о которых мы могли уже забыть, что их знаем. И это восстановление происходит с целыми пластами мышления, чего не бывает обычно при встрече с просто хорошей мыслью. Если делать в момент чтения заметки на полях или задумать комментарий, то они неизбежно окажутся в несколько раз больше комментируемого текста. Поэтому в своём кратком выступлении я очень обобщенно хочу показать, какие пласты знания затрагивает презентуемая сегодня книга.

Несколько лет назад, как и эта книга, меня очень обрадовала работа В.В. Бибикина «Новый Ренессанс», где последовательно проводится мысль, что мы сейчас можем находиться на пороге нового Возрождения. Это удивительно и правдоподобно. Культура переживает состояние упадка, но отдельные личности творят тот самый Ренессанс, который достанется потомкам. И ни у кого из нас нет сомнений, что если сейчас идёт Новый Ренессанс, то его главные представители в России – Сергей Сергеевич Аверинцев, сам Владимир Вениаминович и Ольга Александровна Седакова. Каждая её книга представляет собой целостность, равнозначную большой форме; и касается это как невозможных и чудесных стихотворных изданий, так и сборников прозы.

Если сейчас могла бы идти пора Нового Ренессанса, то мы бы снова возвращались к лучшим образцам греческой мысли. С Древней Греции начинается тот эон, который доживает наша цивилизация. Ничего лучше языка той рациональности и той полноценности до сих пор не придумано. Нам не с чего начинать новый эон, кроме как с бездумной дикости, конечно. Но нам есть к чему возвращаться. И это возвращение – не сам по себе пример древнегреческой мудрости, а единственно возможный способ человеку обрести себя.

Вражда между разумом и сердцем, отказ от которой так отчетливо звучит в размышлениях Ольги Александровны, известна грекам уже по трагедии Еврипида «Медея» как пример противоестественного противоречия. В «Апологии рационального» приводится мысль Аверинцева: универсальный разум, культ которого проводило Просвещение, перестал понимать смысл страдания, это был досадный промах, который можно поправить только разумно. Кажется очевидным, что этот промах в эпоху Просвещения пытаются исправить единицы, например, Гете («грек духом», как сказал бы Пушкин). Именно у Гете можно найти мысль Пушкина, которая так поразительно звучит в начале работы «Апология рационального». Пушкин в дневниках 21-го года делает запись: «Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse» («Сердце моё – материалист, но мой разум сему противится»). Такой же строй мысли можно обнаружить в сочинениях Гёте: Макьявель, советник Правительницы Нидерландов, противопоставляет разум

сердцу во второй сцене трагедии «Эгмонт» (*Правительница*. Ты становишься на сторону противников? *Макьявель*. Сердцем, конечно, нет, но я хотел бы получить возможность и разумом быть целиком на нашей).

Данте отчетливо произносит в «Монархии»: «Собственное дело человеческого рода, взятого в целом, – постоянно приводить в действие всю мощь своего возможного ума» (Монархия 14, 1). «Возможного» - потому что ум человека проявляется в момент его использования.

И как это место комментирует Библихин в статье «Замысел человечества у Данте»: «Человечество может – и безотлагательно должно¹, поскольку запасы времени у него иссякают, – воспрянув, вытряхнув зло и ложь из мира «как пыль из ковра», воспользоваться заложенной в его природе возможностью деятельного мирного счастья».

Уже Гераклит описывает разум как вершину человеческих возможностей, его применение – единственный способ приблизиться к огню-логосу, не опалив крылья. Разум в состоянии пробуждения прямо приближает человека к началу мира, и только в нём открывается подлинная человеческая сила.

Ум для греков – это способность созерцать невидимые вещи¹, тогда как чувствами мы можем ощущать только материальный мир. Это одна из многовековых путаниц: почему-то, начиная с эпохи романтизма, материализму противопоставляются чувства, тогда как материалистическая концепция мира как раз ближе к чувствам, чем к разуму. Только разум видит то, до чего нельзя дотронуться. Разум обвиняется в докучливости, утрачивает доверие, но не как то, что у нас всегда есть, а как то, что ещё нужно в себе найти.

«Возможный» ум и «возможное» счастье – не они пробуждают человека, а человек, начиная творческое движение к ним, их пробуждает. Это чудотворное движение и Данте, и Гете, и Пушкин считают прямым человеческим долгом².

Начало процесса недоверия к разуму положено софистами. По словам Вл. Соловьева, софистика - это «безусловная самоуверенность человеческой личности, еще не имеющей в действительности никакого содержания, но чувствующей в себе силу и способность овладеть всяким содержанием». Можно сказать так: до обретения «возможного» разума софисты начали инсценировать его при помощи его приемов. Софисты впервые апеллируют не к космическому разуму, но к разуму человеческому, они начинают отделять разум от первоначала, ловить его отголоски и отражения. Софисты поколебали сами основы жизни древнего грека, оберегаемые и защищаемые первыми греческими философами. Так начинается процесс секуляризации целостного сакрального знания.

Как мы знаем, опасность растворения человека в чистой субъективности, еще не оформленной, неструктурированной, «случайной» увидел Сократ, сам

¹ *Максим Исповедник говорит в «Главах о любви»:* «Чистый ум пребывает или в простых помышлениях о вещах человеческих, или в естественном созерцании видимого, или в созерцании невидимого, или во свете Святой Троицы».

² Примеры утверждения разумности как долга мы во множестве найдём у древних греков, но можно привести пример из «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого: прославляемый святитель Стефан характеризуется рядом образов, из которых «руководитель умом ослепленным» стоит рядом с «наказатель несмысленным» и «поганым спаситель». Как видим, по мысли автора, язычников ещё можно спасти, заблудшими или больными умами ещё можно руководить, но недумающие достойны только наказания.

принадлежавший к «учителям мудрости». «Однажды на афинской площади Сократ открыл разум...» (как сказал Ортега-и-Гассет). Сократ увидел, что человек может оказаться внутренне «не пуст». Отсюда и знаменитое «Познай самого себя», - опыт Сократа показывает это познание как *заполнение* себя, отворение разума для обретения смыслов. Для Платона этот процесс уже связан с воспоминанием об истине, которой мы изначально обладаем.

По собственным словам Сократа, он был приставлен к афинскому народу как овод к коню, чтобы тот не забывал думать о своей душе. Сократ утверждает, что разум и нравственность в своей основе тождественны. Счастье - и есть осознанная добродетель, то есть принятое разумом решение (Я говорю: ты готов к невероятному счастью? – как говорит ангел из стихотворения Ольги Александровны).

Аристотель продолжает: поскольку человек наделен разумной душой, его благо - совершенное выполнение разумной деятельности. Условие достижения блага - обладание добродетелями. Аристотель описывает хорошее зрение «добродетель глаза». Он утверждает, что добродетель всегда выбирает между избытком и недостатком, стремится к середине.

Философия не считалась греками светской наукой. Мысли Сократа, Платона, Аристотеля тоже претерпевали секуляризацию, с течением времени их восприятие видоизменялось. Стремление к середине привело к порождению пошлости как здравого смысла для массы (то есть не аристотелевская зоркость зрения как середина между близорукостью и дальновзоркостью, а стремление во всем соблюдать середину, то есть – продолжая образ - фокусировать взор не на самом предмете, а на расстоянии между глазом и предметом). Что касается разума, то в средневековом городе (как это видно, например, по немецких шванкам или итальянским новеллам) заметно становление философии середины: все излишнее плохо, в том числе плох и излишне развитый ум. Но вряд ли Аристотель мог иметь в виду это. Странно представить себе Платона, который заботится о том, чтобы Благо не было излишним, или Аристотеля, который предостерегает от излишней добродетели. Но в наше время такие предостережения стали поговорками. Все твои несчастья, - говорит одна подруга другой, - оттого, что ты слишком умная! И та печально соглашается.

Линейка обывательского мышления все измерения превращает в нелепость. Наверное, Платон бы сказал, что Благо – это цель деятельного существования, его никогда не стоит считать окончательно достигнутым. По аналогии с этим, свобода – не причина поступка, а предчувствуемая цель: человек не потому совершает правильный поступок, что он свободен, а потому что он станет свободным в результате именно этого поступка. Разум точно так же проявляет себя в использовании, он не может быть накоплен, как золото, и его не может быть слишком много. Ленивое использование разума не пробуждает его. Как сказано в Откровении – вопреки философии середины, как неприятие формальной веры: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение 3:14-16).

Идеи греческих философов до сих пор могут ощущаться как природная нашему пониманию правда – вечный, а не какой-нибудь «исторический» ум. Дело тут не в точном изучении древнегреческого языка или проникновении в

философские понятия. Дело идёт о том, что любой из нас (и ещё лучше – ребенок) ощущает как истину о мире.

Аристотель выделил этические добродетели и дианоэтические (мудрость, разумность, благоразумие). Этика связана с характером и привычками человека, а интеллектуальные добродетели требуют специального развития.

Здесь тоже всё понятно: специальное приложение усилий отвергается обывателем как излишек. В массовой культуре добродетели почти перестали восприниматься как результат осознанного выбора их носителя, их удобнее воспринимать исключительно как случайную черту чужого характера. «Случайными» стали склонность к творчеству, мужество, честность, доброта.

Ольга Александровна напоминает нам, что деятельное творческое существование проявляется в осознанном выборе в пользу высоких ценностей, что этот выбор тесно связан с нашими задачами. Поскольку в творчестве Ольги Александровны вообще преобладает исключительная деликатность и отсутствует какое-либо морализаторство, мой комментарий звучит куда грубее (что не значит, кстати, - более прямо): создание великих вещей исходит из решения воспринимать великие вещи, и всё это - проявление нашей единой обязанности: использовать возможность деятельного мирного счастья.

Статьи, собранные в эту книгу, действительно представляют собой событие, это приятная новость для нашего разума и еще великолепный пример его использования. Мысль ОА и Аверинцева - это не традиционная мысль, рвущаяся вперед по траектории воображаемого прогресса, это мысль, меняющая привычное, придающая новый статус вещам, которые мы привыкли недооценивать. Строго говоря, это мысль, выпрямляющая наше восприятие прошлого: известная древним правда искривилась, придя к нам. Древний философ мог выполнять функции жреца, наставляя в проведении обрядов, - и это потому, что сама его мысль была сакральна. Греки верили философам и трагикам, даже когда те на их глазах изобретали новые мифы или предлагали совсем неожиданные трактовки (то, что излагает Аристофан в "Пире" Платона, удивительно и ново, но не подвергается сомнению; как и содержание трагедии "Елена" Еврипида, из которой выясняется, что троянская война произошла из-за призрака, а настоящая Елена все 10 лет военных сборов и еще 10 лет великой осады провела в Египте). Высокая мысль всегда наделялась божественным происхождением, ей приходилось доверять. Но коррозия истории - это неумолимая секуляризация, которая уменьшала мысль в значении и отнимала доверие к ней у человеческого разума.

Большая вещь сама себе приют (ещё одна цитата из стихов Ольги Александровны). Эта вещь не сиротлива, но она ждет в гости. И есть милость в том, чтобы ее навестить, и нет доблести в том, чтобы звать её к себе. Так она не придет!

Есть странная запутанность именно в работе разума сегодня, такая скатанная канитель в том, что когда-то просто разрешалось. Наша культура от этого больше всего страдает, страдают эти большие вещи, которые открыты нашему вниманию, но не получают его.

Одна из нелепостей: забвение правильного, настоящего, полноценного разума. Человек предпочел не быть целым, а быть оригинальным, не быть счастливым и просветленным, а быть уникально несчастным. Но сам разум

подсказывает нам, что давно уже нет ничего уникальнее, чем полноценность и счастье.

Деликатность ОА в обращении к большим вещам - это не страх их повредить, будто они хрупки и дискретны (они спасены собой). Это деликатность наших возможностей, мы не можем хотеть быть больше этих вещей, но мы можем принять их разумом. Последовательности в смысле не существует, говорит ОА. Большой смысл либо будет понят сразу, либо этого стоит ждать, но дробить его, выработать подходы к нему, собирать альпинистское вооружение, чтобы его освоить, - нелепо. Забраться с флажтком на большой смысл - это значит снова доказать свою уменьшенность по отношению к нему. Новость не в этом!

Одна из тем творчества Ольги Александровны – это ожидаемая миром дерзость: велико' счастье, велики' смыслы - для того, чтобы мы отважились их принять. Ощущать свою посредственность перед столкновением с большими вещами или отважиться на внутреннее равенство с ними - это рассудочный выбор человека. Но если бы большие вещи существовали только для того, чтобы нас унижить, им не понадобилось бы становиться настолько большими.

Большие вещи существуют, чтобы нас наполнить. Без них мы все пусты. Требование оригинальности, актуальности - это все мышление в пределах собственных границ, в границах нашей пустоты.

Кстати, иррациональное - как говорит о себе само это слово - есть нечто, не познаваемое разумом. Но способы восприятия его и есть пример самой подлинной рациональной работы. Когда-то были времена, когда в словосочетаниях «интеллект поэзии», «мысль искусства» не было противоречия, они не казались парадоксальной метафорой. Очевидно, что мы живем во времена, когда именно такого отношения не хватает, ему необходимо вернуться. Человек путем неуловимых подмен почти лишил себя самого невероятного дара – свободной, естественной рациональности.

Одним из следствий секуляризации был процесс усложнения языка науки, ее утаивание от непосвященных. Например, формулы и термины Ньютона - сегодня изучаемые нами в школе - это тайнопись, шифрующая язык естественного сознания, который в открытом виде наводил подозрения на занятия алхимией. Сила притяжения, благодаря которой малое тело притягивается к большому, - это именно та самая сила, которую древние греки нарекли Эросом, изначальным божеством, Энергией, породившей мир. Эту же физику мы можем узнать в заключительной строке «Божественной комедии» – «Любовь, что движет солнцем и другими звездами». Формулы Ньютона – это даже не открытие, а перевод на специальный, дозволенный подозрительными инквизиторами язык наших вечных представлений. Следствием секуляризации оказалась отчаянная попытка спасти святое от рациональных поползновений науки. В этой попытке святое знание пострадало не меньше, чем авторитет науки, которая в виде сопротивления неоднократно отворачивалась от самого ценного, самого великого, что есть в человеческом сознании.

В связи с этим мне хочется констатировать, что проза Ольги Александровны – это не только изящная литература и великая мысль, но это чистая аналитическая наука, избавленная от секретной терминологии, от формул для посвященных, эта

речь не знает страха разоблачения, но и страха непонимания она не знает тоже. Примеры такой науки крайне редки, как всё настоящее.

Ольга Александровна своим творчеством показывает удивительную целостность знания, которое считается скрытым, глухим, которое все время принято дробить и изучать в виде перетасованных деталей, лакун и умолчаний.

Я думаю, что эффектом презентуемой сегодня книги в отдельном читательском опыте вполне может быть пробуждение сознания – получение им всего и сразу как дар большой и целостной рациональности вместо того раздробленного месива готовых ответов, который подарен современному человеку уже многовековой культурой.

Рациональность - это целая мысль, а не серия хитрых навыков, изученных приемов, уловок, по отношению к которым век романтизма мог опереться только на одну остающуюся подлинной сферу чувств. Чувства ничего не выбирают: добро и зло, великое и маленькое – одинаково даны нам в ощущениях.

Но и у лучших философов и у великих поэтов есть другое знание, возвращающее миру его сакральную целостность: использование дара рационального мышления по назначению - как способность видеть невидимое или слишком большое, постигать вечную связь вещей и производить суждение.

Книга Ольги Александровны деликатна еще в одном своем свойстве. Эта книга объединяет мысль Данте, мысль Пушкина, мысль Аверинцева как естественные примеры мысли *человека вообще*, не стараясь создать наставительную спекуляцию, тренинг, запутанную тайну для посвященных. Эта книга не перестраивает зрение, не принуждает к сверхчеловеческому видению на пределе возможностей. Предел возможностей - это, наверное, и есть метафора нашего неведения. Эта книга промывает глаза ради чистой возможности взора.